

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2020.67.65.013

Моделирование электорального поля Москвы с помощью методов факторного анализа

Нефедов Родион Александрович

Аспирант,
Институт философии Российской академии наук,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12;
e-mail: rhoddy@ya.ru

Аннотация

За период 2011-2017 годы Москва прошла через пять электоральных циклов различных уровней. Это выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2011 году, выборы президента России в 2012 году, главной интригой которых стал Михаил Прохоров, выборы мэра Москвы в 2013 году, где С.С. Собянину противостоял набравший влияние во время политических событий 2011-2012 годов оппозиционный политик Алексей Навальный, первые посткрымские выборы в Государственную Думу в 2016 году, на которых неожиданно хороший результат по Москве показала партия «Яблоко», а также громкие для своего уровня выборы муниципальных депутатов 2017 года, проведенные стараниями команды Дмитрия Гудкова, которые значительно перекроили политико-административный ландшафт города, создав практически полную монополию «Единой России» с крайне интересными с точки зрения политолога абберациями в виде районов, где все места заняли оппозиционные депутаты, преимущественно избравшиеся от партии «Яблоко» (176 депутатов от партии «Яблоко», 107 самовыдвиженцев, большинство выдвинуты проектом Гудкова). В статье смоделирована структура электорального поля Москвы с помощью методики факторного анализа, выделены значимые латентные факторы и дана их интерпретация в рамках поля исследования, то есть с электоральной точки зрения. Учитывая ограниченность количества значимых электоральных групп, авторы прогнозируют выделение не более чем семь факторов. Для более полного анализа были отобраны 128 районов Москвы, за исключением районов Зеленограда как отдельного, фактически исключенного из московского электорального поля города, Новой Москвы и Щукино, где проводились не все выборы из представленной выборки. Для проведения объективного анализа результатов оппозиционных сил из исходной выборки исключены результаты партии «Единая Россия» и кандидатов от нее, а также результаты Владимира Путина и Сергея Собянина, поскольку включение этой партии и кандидатов в анализ нивелирует разницу в результатах оппозиции с точки зрения анализа данных.

Для цитирования в научных исследованиях

Нефедов Р.А. Моделирование электорального поля Москвы с помощью методов факторного анализа // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 4А. С. 117-127. DOI: 10.34670/AR.2020.67.65.013

Ключевые слова

Выборы, Москва, карта, структура, развитие, электоральное поле, депутат, партия, оппозиция, факторный анализ.

Введение

Задачей данной статьи является проведение факторного анализа общего массива данных результатов выборов, выделение значимых факторов в рамках всей Москвы методом определения главных компонент, а также исследовательская интерпретация полученных результатов.

Основным источником данных о результатах выборов в Москве является сайт Московской городской избирательной комиссии¹. Стоит отметить его будто бы намеренно усложненную структуру, затрудняющую поиск необходимых данных для непрофессионала, устаревшие в сравнении с остальными онлайн-ресурсами города дизайн и функционал. Раздел «Выборы» на портале открытых данных Правительства Москвы² недоступен для просмотра.

Основная часть

Архивные результаты голосований загружаются в формате XLS, содержат информацию о результатах выборов по УИКа, ТИКа и требуют дополнительной обработки для приведения в необходимый нам формат. Для упрощения каталогизации требуемых результатов был использован макрос для Microsoft Excel 2016, значительно ускоривший работу, в результате мы получили 5 таблиц, которые затем были приведены к единому виду: районы в алфавитном порядке, исключая районы, в которых голосование не проводилось как минимум на одних выборах. Такими районами стали Щукино, где выборы в муниципалитет прошли одновременно с кампанией в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, значительное количество мест заняла коалиция выдвиженцев от «Яблока» и КПРФ при поддержке оппозиционного депутата Государственной Думы Дмитрия Гудкова, который избирался по одномандатному округу в этом районе, и Максима Каца, сумевшего избраться в муниципальные депутаты Щукино в 2012 году. Помимо Щукино, было принято решение исключить из анализа три района Москвы, составляющие город Зеленоград: Силино, Крюково и Старое Крюково, ввиду удаленности города от Москвы и, соответственно, московской политической повестки, а также недостатка данных по выборам. Новая Москва ввиду относительно недавнего присоединения во время расширения города, а также из-за того, что выборы муниципальных депутатов там не проводились, тоже исключена из анализа.

В итоге остался 121 район Москвы, в которых удалось соблюсти наличие соответствующих данных о результатах выборов, результаты Единой России на парламентских выборах, Путина на президентских и Собянина на выборах мэра также не были допущены к данному анализу, поскольку их величина минимизировала разницу между оппозиционными силами, затрудняя поиск значимых факторов во время анализа. Для чистоты сравниваемых данных решено не

¹ Московская городская избирательная комиссия. URL: <http://www.moscow-city.izbirkom.ru>.

² Портал открытых данных Правительства Москвы. URL: <https://data.mos.ru/>

использовать абсолютные значения количества проголосовавших, сильно отличающиеся от района к району, для анализа использованы проценты полученных голосов, выраженные в десятичных дробях. Также в целях усиления значимости факторов, оказавших решающее воздействие на результаты оппозиции, для муниципальных выборов введены проценты избранного состава муниципальных собраний вместо процентов набранных голосов.

После сведения экстрагированных данных по описанным выше критериям была выработана сводная таблица, включающая 121 строку районов с процентами муниципальных депутатов, избравшихся от партии «Яблоко», самовыдвижением и от КПРФ в 2017 году, проценты, набранные партиями «Яблоко», «Родина», «Коммунисты России», «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Российская экологическая партия "Зелёные"», «Гражданская платформа», ЛДПР, ПАРНАС, «Партия роста», партиями «Гражданская сила», КПРФ, «Патриоты России» и «Справедливая Россия» на выборах в Государственную Думу 2016 года, проценты, набранные кандидатами в мэры Алексеем Навальным, Сергеем Митрохиным, Михаилом Дегтярёвым и Иваном Мельниковым на выборах мэра Москвы 2013 года, результаты выборов Президента РФ 2012 года для Владимира Жириновского, Геннадия Зюганова, Сергея Миронова и Михаила Прохорова, проценты партий «Яблоко», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР на выборах в Государственную Думу 2011 года.

SPSS значительно упрощает работу со статистическими данными. Кому доводилось проводить факторный анализ через MS Excel либо «на бумаге», тот вряд ли вернется к такому способу обработки.

Итак, проведем первую итерацию факторного анализа на общей выборке, описанной выше. На рисунке 1 представлены первые результаты анализа. Мера адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина³: [,835] характеризует, насколько хорошо собранная выборка подходит для факторного анализа. [,835] – отличный показатель, говорящий нам, что собранные данные подходят для факторного анализа и его результатам можно доверять. Уровень значимости – [,000] при Хи-квадрат 2992,186, что говорит о высокой достоверности модели, полученной посредством факторного анализа.

КМО и критерий Бартлетта		
Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО).		,835
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	2992,186
	ст.св.	378
	Значимость	,000

Рисунок 1 – КМО и критерий Бартлетта

³ Вшитый в IBM SPSS Statistics инструмент.

В объясненной совокупной дисперсии присутствуют 28 факторов, составляющих 100% распределения, однако через барьер критерия Кайзера, а также через «критерий каменистой осыпи» прошло всего 7 факторов, причем сильнейший из них значительно превосходит по силе влияния все остальные и занимает 35,5% объясненной совокупной дисперсии, что можно видеть на рисунке 2.

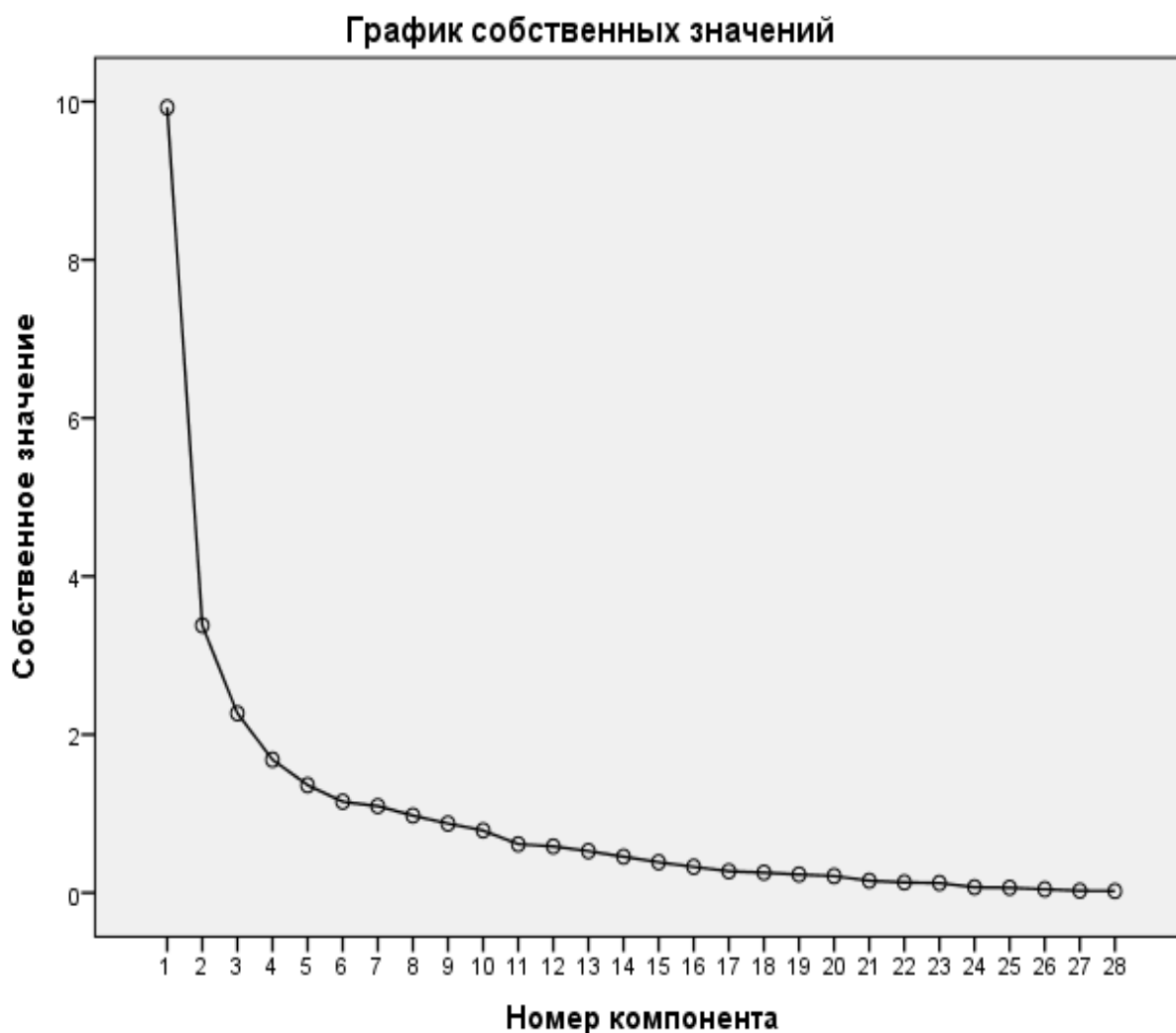

Рисунок 2 – График собственных значений

Уже на основании этого, а также, вспоминая, что в выборке присутствуют только оппозиционные партии, можно заявить, что первый фактор отражает условный критерий «Оппозиционность». Однако не будем забегать далеко так рано. Интерпретация результатов факторного анализа будет изначально проводиться по таблице, полученной в SPSS по методу главных компонент.

Первый фактор выделяет три группы:

1. Политические силы с сильной прямой корреляцией с первым фактором: партия «Яблоко» (соответственно: ГД-2011/0,572, Митрохин на выборах мэра – 2013/0,639, ГД – 2016/0,962, муниципальные выборы – 2017/0,767), Прохоров на президентских выборах – 2012/0,964,

Навальный на выборах мэра – 2013/0,953, КПРФ (ГД – 2016/0,389), Иван Мельников – 2013/0,58, Партия Роста (ГД – 2016/0,940), ПАРНАС (ГД – 2016/0,899), Гражданская платформа (ГД – 2016/0,552), «Зелёные» (ГД – 2016/0,504) и неожиданная для этого списка партия «Родина» (ГД – 2016/0,524).

2. Политические силы со слабой корреляцией с первым фактором: КПРФ (ГД – 2011/0,126, Муниципальные выборы – 2017/0,228), Зюганов – 2012/0,215, «Справедливая Россия» (ГД – 2011/0,068, ГД – 2016/-0,071), Миронов – 2012/0,238, «Патриоты России» (ГД – 2016/-0,117), «Гражданская сила» (ГД – 2016/0,001), «Российская партия пенсионеров за справедливость» (ГД – 2016/-0,09), «Коммунисты России» (ГД – 2016/-0,096).

3. Политические силы с сильной обратной корреляцией с первым фактором: ЛДПР (ГД – 2011/-0,368, Жириновский – 2012/-0,927, Дегтярёв – 2013/0,864, ГД – 2016/-0,84).

Исходя из первого разбиения на кластеры, можно уверенно заявить об антагонизме условной «демократической оппозиции» и ЛДПР (видимо, выступающей в рамках этого фактора на одном фланге с властью), то есть районы с большим процентом голосов за ЛДПР и ЕР, скорее всего, будут давать сравнительно меньше голосов за первую группу, в особенности за тех представителей первой группы, чей коэффициент корреляции с первым фактором выше 0,8. Эмпирически это подтверждается наблюдаемой неприязнью между представителями первой и третьей групп, а также тем, что ЛДПР сложно причислить к «оппозиции». Возможно, если проанализировать связь между результатами ЛДПР и Единой России, можно увидеть прямую корреляцию. Вторая гипотеза, которую можно поставить, исходя из такого распределения на группы, – КПРФ частично сменили своего избирателя после событий 2014 года в Крыму. Если до 2014 года между результатами КПРФ на выборах и первым фактором наблюдается слабая связь, выборы в ГД-2016 и муниципальные выборы 2017 года показывают усиление прямой корреляции между этой политической силой и первым фактором [Подрезов, 2017].

Матрица факторных нагрузок, выделенная методом главных компонент с методом вращения Promax (карра = 30) и нормализацией Кайзера, показывает максимальные значения коэффициента факторной нагрузки на три компонента: Прохоров – 2012/1,036, Навальный – 2013/1,057, «Партия роста» – 2016/1,074.

Второй фактор занимает 12% объясненной совокупной дисперсии, коэффициент 3,379, то есть он одновременно коррелирует более чем тремя переменными, тем самым описывая их. Матрица факторных нагрузок с вращением Promax и нормализацией Кайзера дает четыре пика на выборы в Государственную Думу 2011 года, на результаты партий «Справедливая Россия» (1,144), КПРФ (1,033), ЛДПР (,988) и «Яблоко» (,760). При этом достаточно высокие (выше установленного нами барьера в |0,3|) коэффициенты корреляции с этим фактором показывают на выборах 2016 года партий «Гражданская сила» (,545), «Родина» (,38) и «Гражданская платформа» (,358). Причем единственным сколько-нибудь значительным отрицательным коэффициентом для второго фактора стали выборы муниципальных депутатов от партии «Яблоко» в 2017 году, показав (-,177) корреляцию со вторым фактором. Такие странные результаты слабо поддаются экспертной интерпретации, единственной догадкой, которая возникла у нас во время анализа, стала опасная мысль о подтасовке результатов на выборах 2011 года, искусственном вытягивании оппозиционных партий за трехпроцентный барьер для снижения уровня их вовлеченности в гражданские протесты тех лет. Либо после присоединения

Крыма к территории России их избиратели частично перешли на сторону партии «Единая Россия», которая хоть и не участвует в анализе, незримо присутствует и влияет на каждый фактор. В таком случае выглядит обоснованной практически нулевая корреляция фактора с результатами президентских выборов 2012 года и выборов мэра Москвы в 2013 году вне зависимости от партийной принадлежности кандидатов.

Скорее всего, на этом этапе мы столкнулись с издержками использования метода вращения Promax, поскольку в матрице компонентов, построенной без вращения, корреляция между фактором и вышеупомянутыми пиковыми для фактора политическими силами более равномерна, в президентских выборах 2012 года явно прослеживается отрицательная корреляция фактора и Прохорова (-,148) при сохранении значительных коэффициентов у Миронова (,461) и Зюганова (,403). Фактор позитивно повлиял на результаты КППРФ на выборах ГД-2016 (,527), партий «Справедливая Россия» (,459), «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» (,664) и партии «Коммунисты России» (,312) [Тетуев, 2018].

Третий фактор представляет отдельный интерес, поскольку является определяющим для Зюганова на выборах президента 2012 года (1,33), но без вращения указывает на обратную корреляцию для того же Зюганова (-,505). Это, а также повсеместная обратная корреляция для всех кандидатов в президенты 2012 года, кроме Жириновского, который с этим фактором не коррелирует, и Прохорова, с которым наблюдается слабая прямая корреляция (,12), указывает на то, что, скорее всего, третий фактор здесь отражает условный «патриотический» электорат [Бодрунова, Литвиненко, 2016]. Отвлечемся пока от этой гипотезы для описания силы третьего фактора.

Процент, занимаемый третьим фактором в объясненной совокупной дисперсии, составляет 8,1%, он определяет 2,269 переменных. Интересен он в том числе тем, что после вращения его информативность превышает информативность второго фактора: его показатель ротации суммы квадратичных нагрузок равняется 4,4 (у второго фактора этот показатель находится на уровне 3,4).

Как мы видим, третий фактор прямо коррелирует с результатами ЛДПР на выборах 2011 года (,465), результатами партии «Справедливая Россия» на тех же выборах (,369), партии «Патриоты России» на выборах 2016 года (,37), партии «Коммунисты России» на выборах 2016 года (,372) и самовыдвиженцами на муниципальных выборах 2017 года (,37). Обратная корреляция прослеживается с Мироновым на президентских выборах 2012 года (-,635), Зюгановым – на выборах 2012 года (-,505), Мельниковым – на выборах мэра 2013 года (-,443) и партией «Справедливая Россия» – на выборах 2016 года (-,48). Набор достаточно странный в рамках привычного партийного идеологического дискурса, это может означать, что искомая электоральная группа, скорее всего, находится вне его. Обратим внимание на значительное изменение связи искомой группы и партии «Справедливая Россия». В период 2011-2016 годов электоральные предпочтения группы относительно этой партии кардинально поменялись, дельта между значениями корреляции составила (,849) пунктов, причем Миронов через год после выборов в Государственную Думу 2011 года имел с группой отрицательную корреляцию (-,635). Помимо неисключенной вероятности «нарисованных» голосов партии «Справедливая Россия» в 2011 году, четко прослеживается отрицательное отношение группы к большинству кандидатов в мэры Москвы, кроме Навального и Дегтярёва, с которыми группа коррелирует незначительно. То есть, скорее всего, данная группа отдала свои голоса за Путина на выборах 2012 года и за Собянина на выборах 2013 года. Прямая корреляция с ЛДПР, партиями

«Патриоты России» и «Коммунисты России» также не исключает лояльность группы по отношению к Президенту и мэру Москвы, как правило, обособленным от партийной и прямой электоральной политики. Неожиданно высокая прямая корреляция между группой и самовыдвиженцами в муниципальные депутаты в 2017 году (,37) также говорит о достаточно дисперсном отношении группы к политическим партиям и движениям при лояльности лидерам государства. Не исключено, что на разных уровнях группа имеет противоположные относительно привычных координат ценности: широкое местное самоуправление при агрессивной внешней политике (на это нам в том числе намекает прямая корреляция с партией «Родина» (,235) и партией «Партия роста» (,226)). Вероятнее всего, группа объединяет в себя различного рода националистов: национал-патриотов (ЛДПР, Путин, партия «Родина»), патриотов Советского Союза («Патриоты России», «Коммунисты России», партия «Родина») и гражданских националистов («Партия роста», самовыдвиженцы на муниципальных выборах 2017 года).

Четвертый фактор занимает 6% объясненной совокупной дисперсии, абсолютное значение – 1,682. Прямая корреляция с партиями «Патриоты России» в 2016 году (,554), КПРФ – в 2016 году (,417), «Коммунисты России» – в 2016 году (,410), «Российской партией пенсионеров за социальную справедливость» – в 2016 году (,333), Зюгановым – в 2012 году (,387). Заметная прямая корреляция с КПРФ (,256) и самовыдвиженцами (,277) на муниципальных выборах 2017 года. Обратная корреляция с партиями «Гражданская платформа» (-,339) и «Гражданская сила» (-,32) на выборах в Государственную Думу 2016 года. Фактор связывает левые партии, является определяющим для партии «Коммунисты России» (1,0) по методу вращения Promax и явно описывает избирателей-коммунистов. Слабая обратная корреляция с КПРФ (-,116) на выборах 2011 года, скорее всего, связана с имиджевым кризисом партии среди «настоящих коммунистов» и деятельностью «Левого фронта» Удальцова.

Пятый фактор составляет 4,8% от общей дисперсии, абсолютное значение 1,361. Исследовательская интерпретация начиная с этого фактора затруднена, поэтому был произведен пересчет модели методом главных компонент, с вращением Promax (каппа = 40) и фильтром на вывод коэффициентов не ниже ,30. Результаты анализа представлены в таблице 3.

После первоначальной интерпретации факторов в матрицах главных компонент и факторных нагрузок целесообразно посмотреть на проблему с географической точки зрения, составить карту районов, где факторы проявляют себя больше всего. Для этого запустим в SPSS 24 факторный анализ с выводом факторов как переменных. Получившуюся таблицу 121x7 перенесем в MS Excel для удобства и соотнесем с ранее подготовленным списком районов. Для удобства воспользуемся функцией Excel «Условное форматирование» и выделим максимальные 10 процентов значений зеленым, минимальные 10 процентов значений – красным. Затем перенесем в отдельную таблицу районы, получившие максимальные значения факторной нагрузки.

Теперь, выделив районы с максимальными факторными нагрузками, мы можем нарисовать карту электорального поля Москвы. Карта, на которой будут отображены все рассматриваемые факторы, будет выглядеть следующим образом (рисунок 3).

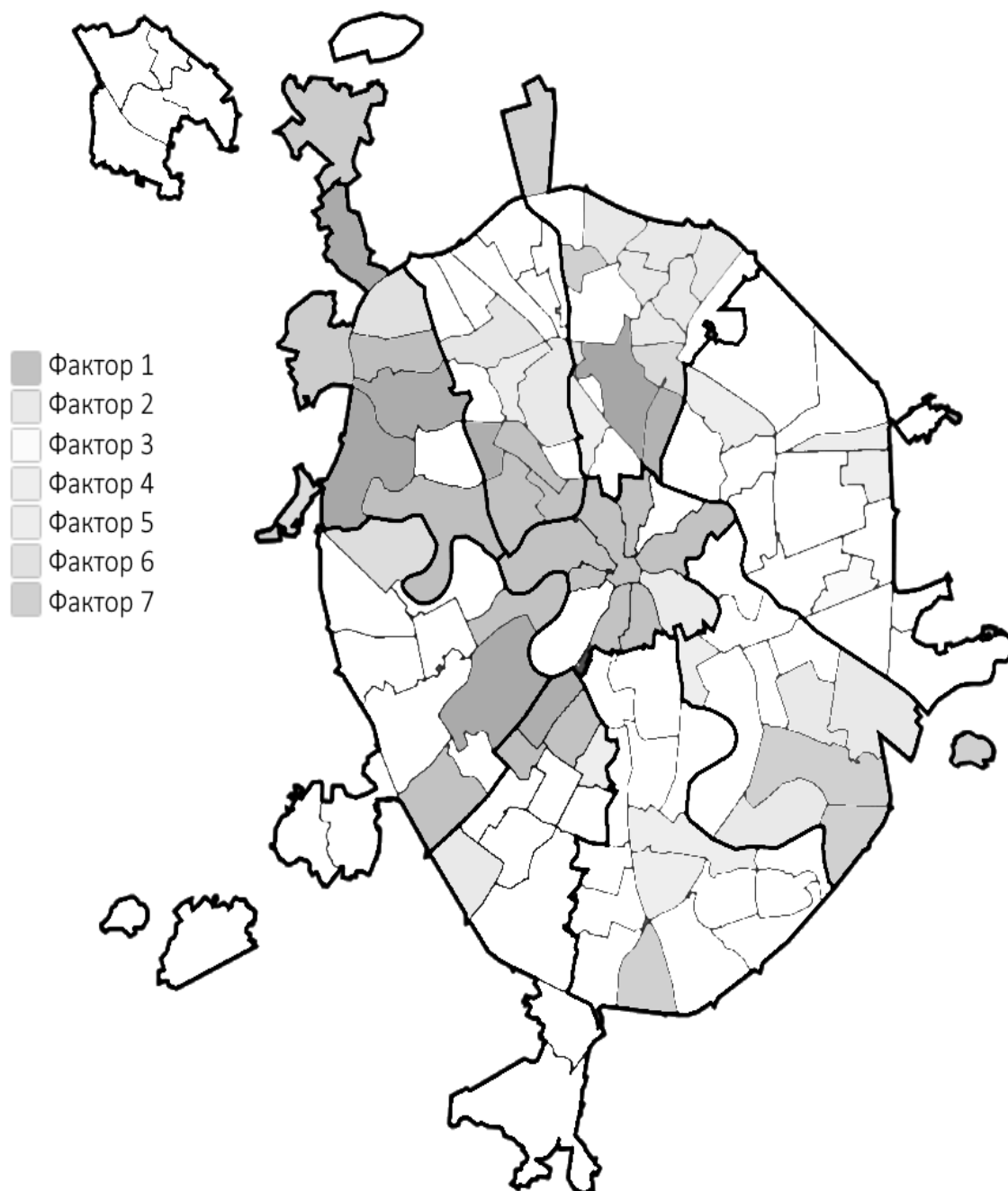

Рисунок 3 – Объединенная карта районов с максимальным влиянием рассматриваемых факторов

Наложение карт с отдельными факторами производилось путем установки параметра «Наложение» – «Умножение» в графическом редакторе. Это позволило выделить районы с максимальным количеством значимых факторов. В любом случае действительную значимость, способность повлиять на итоги выборов имеет только первый фактор, так что рассмотрение иных факторов преследует исключительно исследовательский интерес. Примечательно, что фактор 1 и фактор 2 пересекаются только в двух районах – Алексеевском и Останкинском, примерно равны по модулю и прямо коррелируют с результатами выборов.

Заключение

Итоговый потенциал представленного метода заключается в отрыве от стандартных методов подсчета электоральных перспектив кандидата через социологию и предыдущие выборы при возможности масштабирования и географической наглядной привязке, моделирование структур электорального поля может значительно упростить работу, например, с выбором округа для выдвижения кандидата, а хорошо построенная модель обладает сильным прогностическим потенциалом и может использоваться как при подготовке к выборам, так и для анализа и оценки, к примеру, качественных характеристик района, что потенциально может способствовать изменению принятой модели политического управления.

Библиография

1. Бодрунова С., Литвиненко А. Социальная фрагментация и гибридизация СМИ в современной России: Facebook и артикуляция социального запроса // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 14 (1). С. 113-124.
2. Гуселетов Б. Руководство ЕС: Руководство Евросоюза: изменения по итогам выборов в Европарламент // Современная Европа. 2019. № 6. С. 85-94.
3. Подрезов М.В. Русскоязычное население в риторике правых популистов ФРГ // Русин. 2017. № 50 (4). С. 152-164.
4. Тетуев А.И. Региональные особенности становления и развития местного управления в период политической модернизации российского общества // Oriental Studies. 2018. № 35 (1). С. 78-88.
5. Golosov G.V. Electoral systems and party formation in Russia: A Cross-Regional Analysis // Comparative Political Studies. 2003. № 36(8). P. 912-935.
6. Hanson S.E. Instrumental democracy: The end of ideology and the decline of Russian political parties (2003) // The 1999-2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511550355.008>
7. Mikheeva T.N., Kudryavtsev V.V., Yaichnikova J.S. About the strengthening of publicity in the formation of local representative bodies: Rather-legal analysis // Review of European Studies. 2015. No. 7(8). P. 280-285.
8. Nikonov S.B. et al. Mediatization of politics as an element of noopolitics // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. No. 7 (Special Issue 15). P. 296-300.
9. Pomazanskiy A., Sevalnev V. Democratization of local-self-government in Russia: Current state and perspectives of development // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. No. 9(5). P. 1754-1758.
10. Shalin V.V., Skifskaya, A.L., Korshunov M.N. Features of image formation of political figures in the media space // Asia Life Sciences. 2020. No. 22(2). P. 99-112.
11. Vladimirovich S.A. Political engagement on the internet and technologies of its implementation in modern Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. No. 6(2S2). P. 209-218.

Modeling the electoral field of Moscow using methods of factor analysis

Rodion A. Nefedov

Postgraduate,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
109240, 12 Goncharnaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rhoddy@ya.ru

Abstract

During the period 2011-2017, Moscow went through five electoral cycles at various levels. These are the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2011, the elections of the President of Russia in 2012, the main intrigue of which was Mikhail Prokhorov, the elections of the mayor of Moscow in 2013, where S.S. Sobyenin was

opposed by opposition politician Alexei Navalny, who gained influence during the political events of 2011-2012, the first post-Crimean elections to the State Duma in 2016, in which the party "Yabloko" showed an unexpectedly good result in Moscow, as well as loud for its level elections of municipal deputies in 2017 year spent by the efforts of Dmitry Gudkov's team, which significantly reshaped the political and administrative landscape of the city, creating an almost complete monopoly of party "Edinaya Rossiya" with extremely interesting aberrations from the point of view of a political scientist in the form of districts where all the seats were taken by opposition deputies, mostly elected from the party "Yabloko" (176 deputies from the party "Yabloko", 107 self-nominated candidates, the majority nominated by Gudkov's project). The article presents the structure of the electoral field in Moscow created by using the method of factor analysis, identifies significant latent factors and gives their interpretation within the framework of the research field, that is, from the electoral point of view. Given the limited number of significant electoral groups, the authors predict no more than seven factors will be identified. For a more complete analysis, 128 districts of Moscow were selected, with the exception of the districts of Zelenograd as a separate city, virtually excluded from the Moscow electoral field, New Moscow and Shchukino, where not all elections from the presented sample were held. To conduct an objective analysis of the results of the opposition forces, the results of the party "Edinaya Rossiya" and its candidates, as well as the results of Vladimir Putin and Sergei Sobyenin, were excluded from the initial sample, since the inclusion of this party and candidates in the analysis neutralizes the difference in the results of the opposition in terms of data analysis.

For citation

Nefedov R.A. (2020) Modelirovanie elektoral'nogo polya Moskvyy s pomoshch'yu metodov faktornogo analiza [Modeling the electoral field of Moscow using methods of factor analysis]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 9 (4A), pp. 117-127. DOI: 10.34670/AR.2020.67.65.013

Keywords

Elections, Moscow, map, structure, development, electoral field, deputy, party, opposition, factor analysis.

References

1. Bodrunova S., Litvinenko A. Sotsial'naya fragmentatsiya i gibridizatsiya SMI v sovremennoi Rossii: Facebook i artikulyatsiya sotsial'nogo zaprosa [Fragmentation of society and media hybridisation in today? Russia: How Facebook voices collective demands] (2016). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Studies], 14 (1), pp. 113-124.
2. Golosov G.V. (2003) Electoral systems and party formation in Russia: A Cross-Regional Analysis. *Comparative Political Studies*, 36(8), pp. 912-935.
3. Guseletov B. (2019) Rukovodstvo ES: Rukovodstvo Evrosoyuza: izmeneniya po itogam vyborov v Evroparlament [The EU leadership: Changes in the aftermath of Europarliament Elections]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 6, pp. 85-94.
4. Hanson S.E. Instrumental democracy: The end of ideology and the decline of Russian political parties (2003). *The 1999-2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy*. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511550355.008> [Accessed 14/07/2020].
5. Mikheeva T.N., Kudryavtsev V.V., Yaichnikova J.S. (2015) About the strengthening of publicity in the formation of local representative bodies: Rather-legal analysis. *Review of European Studies*, 7(8), pp. 280-285.
6. Nikonov S.B. et al. (2018) Mediatization of politics as an element of noopolitics. *International Journal of Engineering*

-
- and Technology (UAE)*, 7 (Special Issue 15), pp. 296-300.
7. Podrezov M.V. (2017) Russkoyazychnoe naselenie v ritorike pravyykh populistov FRG [Russian-speaking population in the rhetoric of the right-wing populists of the FRG]. *Rusin*, 50 (4), pp. 152-164.
 8. Pomazanskiy A., Sevalnev V. (2018) Democratization of local-self-government in Russia: Current state and perspectives of development. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 9(5), pp. 1754-1758.
 9. Shalin V.V., Skifskaya, A.L., Korshunov M.N. (2020) Features of image formation of political figures in the media space. *Asia Life Sciences*, 22(2), pp. 99-112.
 10. Tetuev A.I. (2018) Regional'nye osobennosti stanovleniya i razvitiya mestnogo upravleniya v period politicheskoi modernizatsii rossiiskogo obshchestva [Local self-government in the period of political modernization of Russian society: Regional features of formation and development]. *Oriental Studies*, 35 (1), pp. 78-88.
 11. Vladimirovich S.A. (2015) Political engagement on the internet and technologies of its implementation in modern Russia. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(2S2), pp. 209-218.